
ДМИТРИЙ ЛАЗАРЕВ
ЖНЕЦ ДУШ
40 ДНЕЙ
ПЕРВЫЙ ТОМ

Дмитрий Лазарев

Жнец душ:40 дней

«Автор»
2026

Лазарев Д.

Жнец душ:40 дней / Д. Лазарев — «Автор», 2026

Кай рассчитывал провести в психиатрической больнице всего несколько дней: прийти в себя после пьяной аварии и вернуться домой. Но каждую ночь часы замирают на отметке 23:59, среди больничных коек появляются жуткие существа, а странности соседей всё меньше похожи на симптомы болезни.Вместе с другими пациентами Кай пытается разобраться, что скрывают стены старого корпуса. Здесь чужое обещание может стать смертным приговором, а просьба маленького мальчика найти книгу сказок — причиной рискнуть собственной жизнью.Кай привык уходить от ответственности. Теперь от его решений зависят те, к кому он впервые за долгие годы успел привязаться. И пока Жнец ждёт очередную душу, Каю предстоит понять, кому можно доверять — и почему собственная память упорно скрывает дорогу в больницу.

© Лазарев Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Лазарев
Жнец душ:40 дней

эпизод 1

Время 05:57

— Думай, Кай, думай! — смотря на пожелтевшие листы книги перед собой, никак не мог сориентироваться на нужной строчке. Возвращался к началу, читал снова. Имя было здесь! Я только что его видел!

Жнец уверенно сидел напротив, положив костлявую руку, обтянутую увядшей кожей, на раскрытую книгу. Рядом с ней в песочных часах тонкой струйкой сыпался песок. Ещё недавно, пару минут назад я знал, ради чего нужно успеть. Теперь осталась только злость. Ты ведь знал куда ударить! Я сам тебе рассказал! Из всех людей в этой проклятой больнице доверился именно тебе! Стиснув зубы, я перевернул лист. За ним ещё один. Бумага выскользнула из пальцев, и пришлось прижать её ладонью к столу. Ну же! Где это имя? Нашёл!!! Несколько секунд смотря на знакомые буквы, проверил ещё раз. Ошибки быть не могло. Я поднял глаза на Жнеца. А он ждал. Ждал, сволочь, мою реакцию.

— Доволен?! — выкрикнул я, замахнувшись над черепом высокомерной сущности.

Ни движения. Ни шороха. Полное спокойствие. Только песок шуршал в часах. Раньше я не замечал этого звука. Опустив свою руку с крепко сжатыми в кулак пальцами, кинул взгляд на циферблат.

Двадцать секунд!

Я отложил лист и взял перо. Пальцы безудержно дрожали. Прижав локоть к столешнице, чтобы унять дрожь, поднёс остриё к странице. Вот и всё. Осталось только вписать имя.

Десять секунд!

На миг захотелось, чтобы кто-нибудь меня остановил. Позвал. Схватил за руку. Сбил с ног. Ушатал до смерти! Но нет. За спиной тишина и мертвое могильное дыхание за столом.

Пять!

—Ты сделал свой выбор. Теперь моя очередь. — коснувшись пером бумаги, я начал выводить имя.

Последняя песчинка не упала, застыв в узком горлышке часов. Я смотрел на неё, ожидая, что она всё-таки сорвётся вниз. Тиканье на запястье оборвалось и стрелки «командирских» замерли на отметке 05:59. Жнец убрал свою страшную руку с книги и столкнул рукописи со стола.

Я сделал шаг, наклонился — и резко отпрянул. Между страницами что-то шевельнулось.

— Бл…! Что за…опять!

Из раскрытой книги медленно поднималась фигура. Сначала я различил голову с тёмными волосами, затем плечи, обтянутые чёрной кожей. Показалась рука. Вторая. Следом — ещё две. В руках незнакомки висели цепи. Я посмотрел на неподвижные стрелки. Потом на перо, которое всё ещё сжимал в пальцах. Походу, не успел.

— Ведьма, твою мать… — выдохнул я, положив перо на стол и принявшись не торопясь разматывать ткань на клинках.

Узел, пропитанный запёкшейся кровью, никак не поддавался и пришлось дёрнуть сильнее.

Ведьма поднялась с колен и посмотрела на меня.

— Всё. Видишь? Всё. — пробормотал чуть слышно я, бросив клинки к её ногам.

Она приблизилась, и я машинально отступил, ожидая неминуемой расправы. Одна из её рук уже потянулась к моей шее и пальцы сомкнулись раньше, чем я успел их перехватить. Ноги оторвались от пола. Я судорожно вцепился в её запястье, пытаясь изо всех сил сделать вдох.

— Тебе здесь не место, — прошептала она.

Когда меня привезли сюда, я рассчитывал задержаться всего на несколько дней. Никогда бы не подумал, что чувства и эмоции будут диктовать мне правила жизни и ставить меня перед фактом о времени смерти. Уныние и отчаянье парализовали мою волю и свободу выбора. Не могу перестать думать о лучшей жизни, не познав худшую смерть. Отсутствие сна и аппетита вызвало у меня сильнейшее внутреннее возбуждение и одновременно полное подавление действий, сжимая часы в минуты, а минуты превращая в бесконечность дней и ночей, проведённых в психиатрической больнице. В состоянии стресса я сблизился с людьми, которые находились в такой же ситуации и в той же психушке, что сформировала во мне убийственное душевное состояние. Что будет со мною в случае нарушения распределения эмоциональной нагрузки? Смогу ли соскочить с роли марионетки своих же эмоций? В чём я уверен точно, так это в том, что счастливым не стану, имея большее, но могу обрести душевное спокойствие, нуждаясь в меньшем.

С этого момента, я начну рассказывать подробнее об участи, которую приготовило мне моё же подсознание.

Мое имя – Кай, и оно довольно непростое и нетипичное для того места, куда волею судьбы я попал ну совсем не по своему желанию, а как минимум по воле моей матери. Нахожусь в больнице, а точнее в обычном дурдоме, выстроенном из красного кирпича более ста лет назад. Сразу скажу, что не надо выдумывать мне всякие диагнозы, типа шизофрении, либо ещё какое расстройство личности. Мне 42 года, не женат и не хочу, т.к. не считаю, что способен нести ответственность за кого-то ещё кроме себя. Да и за себя, со слов окружающих, не парюсь. Печально, конечно, осознавать, особенно когда в редкие трезвые часы это похоже на правду. Не так давно мы с не просыхающими от алкоголя товарищами отдыхали на даче у одной «мамзели». Со Светланой я познакомился в социальной сети, и она благородно приютила меня на несколько дней. Начиналось всё прекрасно. Чем закончилось последнее застолье, помнил уже хуже. Утром Светка собралась на очередную гулянку, когда я лежал, отвернувшись к стене и слушал, как она ходит по комнате, разыскивая свои вещи. Судя по тому, с каким усердием она открывала и закрывала шкаф, искать ей приходилось даже то, что лежало на виду.

— Уйдешь — дверь захлопни, неудачник! — выкрикнула она, мазюкая на ходу губы ярко- красной помадой и подтягивая повыше мини-юбку.

Я что-то ответил. Наверное, вполне вежливо, потому что продолжения разговора не последовало. Щёлкнул дверной замок и только холодный сквозняк дал понять, что наше общение закончилось. Полежав ещё немного, я открыл глаза. На столе стояли бутылки, пластиковые стаканчики, тарелка с подсохшими остатками еды и литровая банка, заменявшая нам пепельницу. Светка — прошмандовка ушла, товарищи куда-то разбрелись, а убирать всё это великолепие мне совершенно не хотелось. В одной из бутылок оставалась горячительная жидкость, которую я без посторонней помощи допил залпом. Нашёл в банке пару бычков, выбрал тот, что подлиннее, и закурил. На улице было обидно хорошо. Майское солнце прогрело крыльцо, а где-то за забором работал триммер. Люди занимались делами и наверняка строили планы на день. У меня тоже имелся план — добраться туда, где мне будут рады. Моя машина стояла возле ворот и радовала меня своим чёрным цветом, хотя и отечественного производства. Не первой свежести, зато своя. Я похлопал по карманам только что надетых штанов и найдя ключи, сел за руль. Во рту пересохло и тащило скунсом, от чего тяжёлая голова ещё быстрее кружилась каруселью. Посидел в тачке, подождав, когда станет легче и не получив прибавки к здоровью, завёл движок. Тогда мне казалось, что доехать — дело нехитрое. Дорогу знаю, ехать недалеко. В тот момент этих доводов вполне хватило, чтобы тронуться с места. Дальше помню

кусками. Знакомый поворот. Забор. Мамкин дом. А потом — фонарный столб, оказавшийся прямо перед лобовым стеклом. Помню, как подскочил капот и звук клаксона, от того, как я навалился на руль. Следующее, что осталось в памяти, — ветка на стекле. Тонкая, с молодыми листочками. Она была совсем близко к лицу. Я смотрел на неё и почему-то пытался понять, с какого она дерева. Где-то кричал Сергей Иванович — мамкин сосед. В прошлом председатель СНТ «Ударник», а вообще отличный мужик, если не въезжать к нему в палисадник. Разобрать его слова не получалось. Хотел повернуться к нему, но от движения в голове разлилась боль и пришлось замереть. Дальше снова провал. Потом я пытался вспомнить, как выбрался из разбитой в хлам машины. То ли сам открыл дверь или кто-то помог? Стояла ли мамка рядом? Сказал ли я ей хоть что-нибудь? Ничего… Ну, думаю, приложился бухой башкой. Бывает... И не раз... Сам-то вроде цел, руки-ноги на месте. Может, слегка руль зацепил. Только вот почему после этого оказался в психушке, а не дома, сразу понять не смог. Объяснение нашлось простое: мамка вызвала специфическую помощь, чтобы подлечить меня от зелёного змия и убрать с глаз Сергея Ивановича, пока тот подсчитывает убытки на своих грёбаных клумбах.

Так я себе всё и объяснил.

Когда меня привезли в больницу, рассчитывал отлежаться несколько дней, переждать головную боль, отоспаться, прийти в норму и забыть гулеванку с красивым именем Светлана…, чтобы её черти юзали. Я даже намеревался некоторое время не пить. Хоромы, правда, достались те ещё. Больница занимала старое здание из красного древнего кирпича. Внутри меня провели в огромное помещение — с дохрена метров в длину, с высоченным потолком и несколькими рядами ржавых кроватей. С первого взгляда я даже не понял, палата это или коридор. Просто закончились свободные шконари и придётся по тихой грусти тусить, как на пляжу. Мне указали на третью койку в первом ряду. Я сел и осторожно потрогал голову, но тут же убрал руку: болело блин. Мимо прошёл чувак в растянутых и слегка приспущенных штанах, от чего была видна «копилка». Посмотрел на меня, остановился, будто собирался что-то спросить, но передумал и пошаркал дальше в одном сланце на левую ногу, пытаясь удержать портки от окончательного падения. Я лёг и уставился в потолок. На нём темнели старые потёки и местами их замазали свежей штукатуркой, до покраски дело не дошло. Один такой участок находился прямо над моей кроватью. По краю новой заплатки уже тянулась трещина. Интересно, сколько дней я буду на неё пялиться? Изучив быстро неприглядный потолок, повернулся на бок и принялся рассматривать соседей. Кровати стояли в три ряда, почти как в казарме и между ними постоянно кто-то бродил. Один чумародный добрался до конца помещения, развернулся и пошёл обратно. Другой сидел на шконке, обхватив себя руками, и следил за ним. За несколько минут они успели мне надоесть, а я им, похоже, был совершенно безразличен. Сначала это даже меня устраивало. Братоваться, отвечать на вопросы и объяснять, как меня сюда по жизни занесло, не хотелось…кайфолом. Не того они поля ягоды. Я закрыл глаза и моментально вспомнился столб, от которого у меня все жалюзи слетели. Открыл. Нет, лучше пока сраный потолок. Голова болела так, будто шахтёры внутри руду добывают. Я осторожно повернулся, устраивая её на подушке, и на несколько секунд нашёл положение, в котором стало легче. Издалека донёсся смех. Кто-то громко потребовал вернуть тапочки и в ответ посоветовали поискать под матрасом. Обычная жизнь. У всех здесь были свои беспонтовые дела. Я лежал посреди этого движа, не понимая, что мне делать дальше. На Светку — шмару, я то злился, то вспоминал её величество с неожиданной нежностью. Хотелось снова оказаться на даче, услышать, как она травит пошлые анекдоты, себя и меня дешёвым пойлом. Можно было просто остаться вялиться и дождавшись вечера продолжать чилить. Никуда не гнать и не бить тачку вместе со своими мозгами.

Теперь-то чего? Я снова потрогал голову и убрал руку. А ведь мне фартонуло жёстко. Мог остаться в развороченном металлололоме, очнуться и обнаружить, что больше никогда не встану. А тут кровать, подушка, ноги слушаются. Полежу несколько дней и свалю нафиг. Я приподнялся на локте и посмотрел вдоль рядов. На старых тумбочках стояли немытые кружки и беспорядочно валялись вещи. У кого-то сохло на полу полотенце, а у кого-то на оконной решетке трусы с черкашами с четырёх сторон. Интересно, они тоже поначалу рассчитывали ненадолго? От этой мысли стало неуютно. На обед я не пошёл. При одном упоминании еды мутило. Во рту стоял отвратительный привкус, а язык лип к нёбу. Очень хотелось пить и ради воды пришлось бы встать, найти кого-нибудь, спросить. Некоторое время я надеялся, что сушняк отступит сам.

— Ты чего маешься? Плохо? — спросила остановившаяся рядом санитарка.

— Водички бы вкинуть. — ответил я, переведя на неё взгляд.

— Сейчас принесу.

Вернулась она с полуторалитровой бутылкой воды. Я сел слишком резко, и помещение качнулось, от чего пришлось ухватиться за край кровати.

— Потихоньку! — произнесла медичка, пытаясь не дать кувыркнуться мне с койки.

Открутив крышку, я сделал несколько жадных больших глотков. Вода была прохладная и вкуснее её в тот день мне ничего не требовалось.

— Спасибо, — поблагодарил я девчулю.

— Люба, — представилась она.

— Кай.

Она кивнула и пошла дальше к соседним койкам, от куда её уже звали, чтобы получить внимание очень даже симпатичной девушки. Я закрутил крышку и поставил бутылку возле кровати. Стало немного легче. По крайней мере, теперь здесь был человек, которого я знал по имени. День тянулся медленно. Я то проваливался в неглубокую дрёму, то просыпался от чужого голоса или шагов и каждый раз приходилось заново вспоминать, где нахожусь. К вечеру боль в голове усилилась, из-за чего на ужин я так же не пошёл. Запахи в помещении смешались, и временами хотелось натянуть одеяло на голову. Некоторые больные не утруждали себя

походом в туалет и когда очередной тип прошёл мимо моей койки, я отвернулся к стене и стал дышать через рот. Очень хотелось домой. Даже не к себе — к мамке. На кухню, где можно взять чистую тарелку с ложкой, достать свежий стакан и сесть на своё место в ожидании только что приготовленного борща и пюрешки. Послушать, какой я непутёвый. Помолчать в ответ. Пусть ругается. Ей можно. Она ведь мама. Я попытался вспомнить, что она сказала после аварии, но перед глазами снова появилась ветка и больше ничего.

Вечером медперсонал начал разгонять больных по шконарям. Те, кто весь день бесцельно ходил между рядами, вдруг нашли множество причин не ложиться. Кто-то просился покурить, а кто-то не мог отыскать свою подушку. Постепенно проходы опустели. В 22:00 дежурная медсестра Ира пожелала всем спокойной ночи и выключила свет.

В темноте ещё некоторое время разговаривали. Кто-то кашлял долго и надсадно, потом затих.

эпизод 2

Утро началось с того, что я увидел на противоположной стене, на высоте чуть выше человека среднего роста, круглые кварцевые часы с нарисованным корабликом внутри. Время, которое они накрутили своими стрелками, совпадало с подъёмом согласно распорядку дня, а именно 06:00. К этому выводу я пришёл очень просто. Отделение стало напоминать большой муравейник, где больные, не успев раскрыть глаза, рванули к туалету. Даже не для того чтобы справить нужду, а чтобы успеть стрельнуть хоть какой-нибудь зажеванный бычок сигареты. Мое спальное место территориально находилось очень выгодно, поскольку происходящее передо мной как на ладони, и я мог легко, не вступая ни с кем в контакт, быть в курсе всего и в среде пациентов, и в среде медицинского персонала. Подождав час-полтора, когда дым развеялся, а медперсонал провел влажную уборку, я сгонял по-быстрому в туалет и, выходя из него, обратил внимание на одного из больных, закурившего сигарету и вставшего на секунду у открытого окна, зарешёченного снаружи. Почему на секунду, да потому, что стоять на одном месте он в принципе не умел. Его движения напоминали жизнь марионетки, которой управлял

мальчик лет восьми. Окружающие называли его Костя Кент, по той причине, что курил он исключительно одноименные сигареты, которые ему раз в неделю по субботам приносила мать. Навскидку рост у него метр шестьдесят. Настолько худой, что прослеживающаяся явная сутулость, заставляла его грудную клетку прилипать к позвоночнику. Стрижка – короткая, одет в спортивный костюм. Топчась с ноги на ногу, Костя втягивал дым, как волк в мультфильме «Ну погоди», смотрел в окно и приговаривал: «Вооо, вооо… суббота, дааа, мать ща придёт, сигареты принесёт, дааа, сигареты, погода шепчет, займи, но выпей, на реке бы искупаться, дааа, мать придёт, как, интересно, «Сокол» в футбол сыграл? Какой счёт? Пивка бы стакан, дааа… домой бы… твой взгляд, твой смех… займи, но выпей». Мои попытки заговорить с ним потерпели неудачу. Вставить своё слово в его разнообразный монолог не может никто, даже медперсонал, который всеми правдами и неправдами, в лице санитарки Любы, пытался утянуть Костю на спальное место. Люба мне показалось сразу очень привлекательной женщиной лет тридцати, с приятным голосом без намёка на курение всякой гадости. На фоне различных неприятных запахов, курсирующих по всему отделению, её аромат тела, способный излечить любой насморк, глубоко проник в мой мозг и сразу создал для меня образ идеальной спутницы. Ух, какая женщина! Мне бы такую! Светлые локоны до самой красивой в мире попы, огромные и голубые до безобразия глаза, а также бюст, способный открыть любую дверь и спасти жизнь при лобовом столкновении. И всё это прикрыто светлой униформой, которая, в лучах солнца, создаёт призрачный эффект полного присутствия, а при полёте фантазии – и полного погружения. Не женщина, а просто фея…

— Костя, докуривай и пойдём к кровати, — сказала она, бросив взгляд на меня.

— Мать ща придёт, сигареты принесёт…

ЛЮБА

Он сделал ещё несколько продолжительных затяжек в то время, пока девушка терпеливо ждала.

— Он всегда такой? — тихо спросил я, улыбнувшись и на мгновение забыв о головной боли.

— Маму ждёт, бедняга, — ответила Люба, непродолжительно посмотрев на меня.

Паренёк добил свою сигарету, и санитарка осторожно взяла его под руку и повела от окна. Он пошёл, продолжая переступать мелкими неровными шагами и бормотать про субботу.

Я вернулся на свою койку.

Костя очень настойчиво ждал маму, что привела его сюда и обязательно должна скоро его забрать. У него же есть дом, мать, интерес к жизни. Есть потребность ею наслаждаться вне стен больницы. Веселиться, отдыхать не на санном матрасе, а на своем диване перед телевизором. Ощущать заботу мамы не только в субботу, а каждый день, с понедельника по воскресенье. Все эти мысли вынуждали Костю Кента быть отстраненным от окружающих, жить в своём мире, быть потерянным и озадаченным, чувствовать беспокойство и постепенно терять надежду вернуться когда-либо домой, не понимая саму причину нахождения здесь. Он просто покинутый теми, кого так сильно любит с детства. Я по-прежнему нахожусь на третьей кушетке в первом ряду, смотрю в потолок, иногда по сторонам, чтобы ещё раз разглядеть Костю и понять цель его пребывания в этом месте. Таким образом, может быть, избавиться от тяжёлого психологического состояния, которым я себя нагрузил. Часы по-прежнему висели передо мной на стене, и стрелки постепенно подошли к 14:00, а именно к тихому часу. Медперсонал зашевелился по коридору, и санитары стали разгонять больных по своим спальным местам. Особенно активно себя проявляла медсестра Ирина, которая не стеснялась в выражениях и могла сходу нацепить на себя облик лидера группировки «Ленинград». Темноволосая Ира являлась полной противоположностью Любы и в отличие от неё, легко может разом втянуть в себя пару сигарет, а также зазевавшегося небольшого мужичка. Прикрыв глаза, я провалился в сон, который перенёс меня домой, к телеку с приставкой, к холодильнику с холодным пивом, к пюрешке с котлетой маминого производства…, к КРИКАМ, ШУМУ, БЕГОТНЕ!

И здесь я проснулся, раскрыв ошалелые глаза и, вместе с одеялом, попытавшись вскочить до самого потолка. Но удержал себя в руках и задался вопросом: «Что произошло?» Часы показывали 16:20. Осмотрелся по сторонам и от окружающих получил страшную информацию о Косте, который ждал и ждал свою мать, но что-то там за забором пошло не так у его родных, и мама в эту субботу не появилась. Когда все находились на своих спальных местах, Костя проскочил к окну рядом с туалетом, запрыгнул на подоконник и, используя свою худобу, постепенно просочился между прутьями решётки. А это на третьем этаже, довольно высоко, учитывая старину здания и высоту этажей. В результате он осмелился спрыгнуть вниз на участок земли, покрытый различной весенней травой, и, миновав ветви березы, перевернулся несколько раз вокруг себя, оказался лежащим на животе. В таком положении Костя отчётливо увидел в дали родной город, в котором он жил до больницы. Увидел тропинку, замусоренную «бычками», которые он и такие, как он, выбрасывали из окна, ведущую к основной дороге на территории больницы. Там дом. Костя оперся на поцарапанные руки. Привстал на ноги, попытавшись сделать шаг в сторону свободы от надоевших ему стен, и рухнул на землю с резкой болью в ногах, а именно – в правой лодыжке. Это не позволило Косте придерживаться и дальше своего дерзкого плана и вынудило ползком, оставляя кровавый след на свежей майской траве, двигаться обратно в больницу. Помощи он не ожидал, так как был уверен в своём побеге и сделал шаг к свободе с полной убеждённостью в том, что его никто не видел. Ситуация осложнялась тем, что его рана проявлялась в виде открытого перелома. Порвав футболку с тремя полосками на рукаве, он, как мог, обмотал ногу. Прошло достаточно времени, прежде чем Костя добрался до подъезда, ведущего в больницу. По лестнице поднялся к двери, над которой находился звонок, означающий полную капитуляцию и признание самого себя неудачником

целиком и полностью. В отделении никто не заметил его отсутствия, и медичка Ирина сразу подняла панику после того, как беглец осмелился позвонить. Его ногу обработали, перевязали, а самого Костю обматерили, уложив на кровать и зафиксировав на ней руки вязками, представляющими тканевые пояса шириной пять-семь сантиметров и длиной два метра. Я смотрел, как затягивают ткань на его запястьях и не мог отделаться от мысли: он ведь сам вернулся, дополз, позвонил, чтобы ему открыли.

К вечеру палата понемногу успокоилась и разговоры о неудавшемся побеге стихли. Я лежал на своей койке и время от времени поворачивал голову к Косте. Ещё утром его речь раздражала меня, а теперь я прислушивался, не скажет ли он чего-нибудь.

Стрелки на часах незаметно дошли до 22:00. В течение дня я не обзавёлся ни друзьями, ни товарищами. По-прежнему нахожусь на третьей кушетке в первом ряду, смотрю в потолок и искренне сочувствую тому пареньку, который, несмотря ни на что, смог хотя бы попытаться усмирить свою тревогу и грусть, пусть ценой боли и неудачи.

Эпизод 3

Ночь прошла спокойно, по крайней мере, в моём восприятии окружающей меня реальности. Часы на стене никуда не делись и показывали ровно 06:00. Странно как-то, что моё подсознание само решает, когда необходимо заснуть и когда проснуться. Странно, что мой организм пытается выйти из ночного режима и перейти в дневной. Чувствую себя не выспавшимся, разбитым и скованным. Попробовал закрыть глаза и снова погрузиться в ночную дрему. Может, получится посмотреть какой-нибудь красочный сон, ну или просто сон, только бы избавиться от негативных ощущений. Мысли подобного плана пробуждали меня недолго. Я невольно повернул голову вправо и обратил внимание на пожилого человека, лежавшего через три кровати от меня, что-то бормотавшего себе под нос, с устремлённым взглядом светлых глаз в сторону огромного зарешеченного окна. Выглядел он лет на семьдесят пять, худой, седовласый, аккуратно подстриженный. С кровати, судя по всему, вставать не собирался, да и делает это довольно редко. Ноги от отсутствия какой-либо физической активности начали постепенно

атрофироваться. На нем была надета задом наперед полосатая майка, типа тельняшка, с дыркой на боку и семейные трусы с красными цветочками, которые со временем отцвели и поблекли на том месте, на котором он лежал и взглядом встречал восходящее солнце. Санитарка Люба окликнула его:

– Василич, вставай! Что раскидался по койке, как на двери после кораблекрушения?! Иди в туалет, а то опять надудонишь и снова тонуть начнешь без весел!

Василич медленно повернул в её сторону свою невозмутимую пожилую голову. Оценочным взглядом осмотрел с ног до головы и чётко произнес слова, которые, ввиду отсутствия зубов в его рту, не должны были вообще сгенерироваться.

– Дашь мне? – прошепелявил дед, раскрывшись в улыбке и подтвердив полное отсутствие зубов, кроме одного, как у бабы Яги.

Люба опешила от сказанного Василичем секунды на три, после чего полным набором зубов так сформулировала тесно поставленные рядом друг с другом слова, что образовался сквозняк между нею и окном, который заставил единственный цветок на подоконнике поверить в приход осени. Видно, что Василич – «спец» по подкату к женщинам, учитывая, что всю жизнь он провёл в дурдоме, а семьёй так и не обзавёлся. В ответ на Любин негативный отзыв, старик в семейках спокойно прокомментировал: «Я про вёсла…», – и его лицо снова растянулось в улыбке. Минут через тридцать за ним пришли санитар и помощник из числа больных, которые приподняли его, взяли под руки и повели в процедурный кабинет для взятия крови из вены. Сам Василич ходить немного может, но недалеко и в основном под себя. Он так соскучился по алкоголю, что после взятия у него крови, медсестра положила на место укола спиртовую салфетку, которую беззубый деда сразу вкинул в рот для последую-

щего рассасывания. На приём пищи в столовую, которая располагается на этом этаже, он не ходил.

Первое и второе с компотом санитарка Люба приносила ему на спальное место, где его кормили с ложечки. Приём таблеток Василич посещает очень редко, ему также приносят всё в кровать. Пока остальные куда-то спешили, спорили, весь его день помещался между подушкой и спинкой кровати.

В последующие дни ситуация вокруг него стала только ухудшаться, и его эмоции окончательно окрасились в тёмные краски, превратившись в уныние и отсутствие интереса к жизни. Даже приносящая чай Люба уже никак не могла повлиять на его отношение к своей беспомощности. Из-за того, что Василич часто стал мёрзнуть, озноб стал его постоянным спутником, который заставлял старика кутаться во все одеяла, приносимые санитаркой. Люба приносила ещё одно одеяло, поправляла его у плеч, подтыкала по бокам. Старик лежал под этой грудой, а ему всё равно было холодно. Ноги, изредка выгуливающие своего хозяина максимум до туалета, стали ледяными и бледными с синюшным оттенком. Когда-то светлые глаза Василича отражают уже не лучи восходящего солнца, а онемение и долголетнюю усталость, постепенно ведущую его за руку в пропасть безнадёжности и отчаяния.

Я посмотрел на часы, стрелки которых подошли к отметке 21:54. У меня осталось немного времени до того, как уйти в сон, и в этом почти не сомневаюсь. За сегодняшний день, как и другие, я не обзавелся ничем полезным, кроме возмущения тем, что человеку отводится очень много времени на то, чтобы прожить активно и радостно с родителями, а потом с детьми и внуками. Но на деле получается, что, однажды родившись, остаёшься ребёнком на всю свою бесполезную жизнь, обречённый ждать родного тебе человека снова и снова. И от этих мыслей, жалость, рождённая в моей голове по отношению к Василичу, только усиливается. В 22:00 я уснул.

Эпизод 4

Наступило очередное, совсем не ожидаемое мною утро, которое ежедневно приходит раньше, по той причине, что май стремится к июню и лучи солнца поднимаются по старым стенам нашей психиатрической больницы с каждым днём всё выше. Находясь на кровати и не имея никакого желания куда-то идти, кинул взгляд на часы только для того, чтобы в очередной раз удостовериться в положении стрелок на отметке 06:00. Началась ежедневная суета, в которой медперсонал пытается отмыть пол от накопившегося ночного мусора и различных биологических выбросов и сбросов, количество которых заставит любого прокатиться на тапках от стены до стены. Пациенты, не веря в скользкий пол, но веря в удачу стрельнуть не обгоревший фильтр от сигареты, несутся, не обращая внимания на крики санитарки Любы, к туалету. В этот момент мимо меня на своё спальное место проскочил какой-то мужчина, на вид лет пятидесяти, у которого в правой руке прятался гвоздик длиною в несколько сантиметров. Занимал этот пациент место в третьем ряду, с краю у стены, которая не то, что не покрашена, а даже штукатурку держать не хотела. Интерес к этому человеку и особенно к его гвоздю заставил меня повернуться и осмотреть его, особенно после того, как за ним со стороны туалета прибежал санитар Антон с явными претензиями:

– Олег! Какого хера ты опять всю стену расцарапал, да и ещё снизу подписался Олежеком!» Сколько грёбаных лет нам теперь на это всё смотреть до следующего ремонта! Сообщу всё твоему лечащему врачу, пускай уколы назначает, соответствующие твоему воображению!

У него есть какой-то врач, а где мой? Олег, привыкший к подобной реакции на его творчество, резко спрятал гвоздь в рот и повернулся к стене, сгруппировавшись в позу эмбриона. Закрыл глаза и уши руками. В таком виде пролежал, пока всё не утихло и с его персоны не сняли пристальное внимание, которое ему не было нужно как со стороны персонала, так и со стороны больных. Присмотревшись, я обратил внимание на его плечи, которые были покрыты множественными кругленькими шрамами диаметром в сантиметр. Располагались они, как выяснилось потом, не хаотично, а прорисовывали, таким образом, геометрические фигуры в виде квадратиков с кружочком в центре. Шрамы получились от прикосновения зажженной сигаретой, а точнее после того, как он её докуривал до фильтра и тушил о себя. Через какое-то время Олежек заметил, что я его разглядываю. Он демонстративно, смотря мне в глаза, достал двумя пальцами изо рта гвоздь и прикоснулся им к стене, а сам накрылся с головой одеялом. Далее художник приступил к своему творчеству, которое меня очень заинтересовало, и я, не моргая, стал следить за движением железного карандаша. Схематично он выводил человечка, у которого не было лица, и находился среди кроватей. В его рисунке, как и в реальности, изображено три ряда, в том числе третья кушетка в первом ряду, где всё это время лежу я. Стена для Олежека представляла собой чистый лист бумаги, на котором его фантазия оживала и создавала понятные только ему объекты. Вокруг кроватей стали возникать другие фигуры людей, которые, вроде как, стоят и смотрят на одного из них, более крупного. Изображение относительно стены совсем небольшое. Олег пытался творить всё так, чтобы визуально не выходило за пределы места самого художника, и старался разместить всех человечков без лиц ближе к своей койке. Далее наступила минутная пауза, при которой рука с гвоздём зависла в воздухе – мужчина «в укрытии» явно принимал решение. Неожиданно для меня, Олег резко скинул с

себя одеяло и через секунду уже сидел на коленях и быстро, рваными движениями зачеркивал всех маленьких человечков в районе шеи. После этого, так же резко, он спрятался обратно. Мой интерес к происходящему был на пике. Я снова и снова вглядывался в творчество на стене, рядом с моим новым знакомым, который протянул руку с гвоздём и твёрдо, уверенно нацарапал: «Олег Олег Олег Олег Олег Олег Олег». Не спеша, жёстким нажатием гвоздя, провёл прямую и ровную черту, проходящую под семикратно повторенным именем художника нашей психиатрической больницы. Далее, сколько я ни смотрел на человека под покрывалом, так и не увидел больше никакой активности. Кроме той, что к нему подошла Люба и аккуратно поставила под мышку градусник, который через две минуты показывал температуру около сорока. Про таких людей она говорит:

– Огнём горит, бедняга.

Прошло какое-то время. Лёжа на спине с закрытыми глазами, я пытался дать оценку увиденному сегодня, объяснить себе и оправдать Олежека за испорченную им стену. Видимо, через своё творчество он сделал какой-то вывод и пришёл к определённому решению. Связь между ним и его гвоздём очевидна, и цель, которую он себе поставил, может вылиться во что-то страшное и нести в себе вызов окружающим. Олежек, как и я, ни с кем не общается и не дружит. Постоянно находится на своём спальном месте с накрытой головой, целиком и полностью доверяет лишь одному себе и маленькому кусочку металла, который выражает волю и мысли своего хозяина. Я же, после увиденного, приобрёл некое недоумение, чередующееся с сомнениями и выливающееся в растерянность. Почему, скрывая свой рисунок от окружающих, мне, напротив, демонстративно дал понять, чтобы я наблюдал? Что значит схематичный человечек и множество таких же, маленьких без лиц, у кроватей? Почему они зачёркнуты, а многократная подпись «Олег», наоборот, подчёркнута? Где мой лечащий врач? Где мать? От большого количества вопросов в моей голове, я на минуту открыл глаза и кинул взгляд на часы, стрелки которых приближались к отметке 21:59.

Моё имя – Кай, и я никуда отсюда не делся. По-прежнему наблюдаю за окружающими меня людьми с третьей кушетки в первом ряду и пытаюсь найти ответы на огромное количество вопросов, которые генерируются в моей беспокойной голове. Далее – сон и новый цикл нового дня с новыми чувствами новых для меня людей.

Эпизод 5

Очередное утро, наступившее в 06:00 для меня и всех остальных пациентов в этих обшарпанных стенах, напоминавших атмосферу из фильма ужасов, обещало познакомить меня с очередным местным жителем. Основная масса больных не представляла никакого интереса, и поэтому, лёжа на кровати, я смотрел по сторонам в поисках любопытного субъекта. Время постепенно приближалось к завтраку, проходящему довольно поздно, в районе десяти часов, а индивида, который привлёк бы моё внимание, так на горизонте и не возникало. В той части больницы, где размещена столовая, начал кучковаться медперсонал и готовиться к раздаче какой-то каши и чая. Так как последний, вчерашний, прием пищи (а именно – ужин) был очень давно, и с тех пор прошло порядка шестнадцати часов, голодные пациенты толпились в ожидании еды, как зомби при жажде мозгов. Учитывая, что и внешне многие были с ними схожи. Пока в моем животе безудержно урчало, по полу мимо меня кто-то проползал в сторону огромного светлого окна, которое территориально находилось за моей головой и за третьим рядом кроватей. Этот некто совершал движения на карачках довольно медленно, аккуратно, видимо, желая остаться незамеченным. Передвигаясь, как хищный зверь, достиг окна, резким прыжком вскочил на подоконник и с размаху выкинул майку, потом, посмотрев на руки, выбросил тёмные штаны и вдогонку, без зазрения совести, швырнул чёрные семейные трусишки. Вся одежда наглядно повисла на ветвях берёзы и при взгляде в окно напоминала пиратский корабль с рваными парусами после шторма. Пациент, совершивший этот поступок, не торопился слезать с зарешёченного окна, а лишь, слегка наклонив голову, пустил бурно журчащую струю, которая, минуя решётку, с шумом Сочинского водопада оказалась внизу.

– Захар! Ты опять отвязался! Слезь живо с окна! – крикнул санитар Антон, стоящий у кровати Захара и собирающий с неё вязки, на которые тот был прификсирован.

Голый человек не спеша развернулся и предстал моему взору. Захаром оказался мужчина лет тридцати, с довольно хорошо прорисованными мышцами и с ходу напоминающий древнейшего человека: грубое лицо с широким приплюснутым носом, тяжелая нижняя челюсть с приоткрытым ртом, низкий, покатый лоб, глубоко и близко посаженные глаза с нависающими бровями. В далёком прошлом он учился в обычной средней школе, как и все. Получал хорошие оценки и зубрил стихи на английском языке. Мать отдавала его в различные спортивные секции, такие как лёгкая атлетика, биатлон. Нагрузка, видимо, повлияла на его иммунитет, и организм хватанул какой-то вирус, оказавший воздействие на мозг. Начался упадок умственных и мыслительных возможностей. После этого школьник Захарка необратимо превратился в вечного пациента психиатрической больницы, которого за непредсказуемость и дефилирование голым по отделению фиксируют к кровати. Долгие годы пребывания в диспансере научили его аккуратно снимать с себя вязки и решать всякие жизненные проблемы, типа сходить на окно по-маленькому. Налицо явная деградация ума, но при этом разум не покинул его голову окончательно. Речь Захара больше похожа на отдельные и не связанные между собой слова, произносимые чуть громче шёпота и, в целом, воспринимаемые здоровыми людьми как бред. Беседы ведёт исключительно сам с собой и, скорее всего, видит что-то, чего нет на самом деле, то есть галлюцинации.

Захар сполз с окна и походкой обезьяны направился в толпу пациентов, дождавшихся завтрака и усаживающихся на лавочки за столы, на которые медперсонал уже расставил тарелки с какой-то пищей. Он подошёл к одному из таких, взял порцию пшённой каши без ложки, развернулся и сел на корточки на пол у стены, рядом с умывальником, которым никогда не пользовался. Мимо проходил больной старшего возраста. Бросив взгляд на Захара, и обойдя его, он направился к окошку раздачи пищи и сказал:

– Можно мне, пожалуйста, положить сардельку без каши и чай, а чуть позже передачу от родственников поем.

Повариха отвлеклась от своей работы, круглыми глазами посмотрела на пациента и недоумённо произнесла:

– У нас нет никаких сарделек!

– Как нет! Вон у него в тарелке! Что вы мне голову морочите! – возмутился больной, ткнув пальцем в сторону Захара, и сразу осёкся.

Сарделек в меню действительно не было, и зря он повысил голос на женщину. Просто мой новый знакомый сел на корточки, поставил тарелку на пол, а свой болт, слегка охлаждённый у окна, аккуратно расположил в тёплой каше.

Его отчуждённость и замкнутость, не позволяющие контактировать с другими людьми, заставили по-другому искать источники тепла и уюта. Полная незаинтересованность в происходящем вокруг него и безразличное отношение к жизни привели в психушку, в которую близкие, видимо, давно забыли дорогу. Может, им самим неловко за то, что их родственник перестал испытывать стыд и всё время раздевается догола, а вещи размещает на дереве. Быть в социуме в кругу себе подобных Захару скучно и неинтересно, и с каждым днем он становится всё более равнодушным и отстранённым. Болезнь сделала его холодным по отношению к самому себе и не позволяет получить тепло от окружающих его людей. Она познакомила его со своей сестрой по имени бессонница, которая никогда не позволит подвергнуть сомнению их совместно созданный мир, в котором есть место только для одного человека. Мои наблюдения за ним помогли сделать некоторые выводы, например, что одежду Захар с себя скидывает по причине явного неудобства в области груди, возле сердца. Как будто что-то или кто-то давит, либо мнёт, вызывает хрипоту. Его постоянные круговые движения руками в области груди ни к чему хорошему не приводят и облегчения не доставляют.

Наступил вечер, и я, не обращая внимания на часы, которые постоянно отсчитывают чьё-то время в нашем психиатрическом отделении, отвернулся к стене и предсказуемо уснул, потому что догадался и так… 22:00.

Эпизод 6

Ночь, как мне показалось, пролетела мигом, и, возможно, я даже видел какие-то сны, которые меня совсем не навещали за то время, что провожу в своей кровати в первом ряду. Чувство было такое, что с наступлением 06:00 я стал испытывать приятные ощущения, некою приподнятость духа и небольшое оживление на фоне того, что сон позволил мне выспаться и на время позабыть ту меланхолию, которая не выходила у меня из головы. Учитывая, что развлечений вокруг меня – малое количество и в скудном качестве, искренне надеюсь, что новый день принесёт мне более позитивные часы и возродит во мне неподдельный интерес к жизни. Мне казалось, что даже обстановка вокруг способствовала тому, чтобы мои ожидания чего-то позитивного – сейчас и, возможно, в будущем – оправдались и привели меня в восторг от предвкушения счастья. В окно пробивалось яркое майское утреннее солнце, освещая наши убогие стены и потолок, а также согревая мои ступни. Казалось, будто находишься на песчаном пляже, там люди никуда не спешат, а только вялятся и верят в бесконечность данного момента, приносящего наслаждение и принятие самого себя таким, каков есть. Больные, пребывающие в постоянном брожении, перестали меня раздражать и вызывать во мне чувства презрения и брезгливости, по крайней мере, в своём большинстве. Моё настроение, можно сказать, было приподнятым, и лицо, скорее всего, выражало слегка заметную улыбку. Блаженствуя в лучах нашего светила, не заметил, как на мою постель со стороны ног буквально свалился человек с круглыми очками на носу. Вёл он себя очень даже оживлённо и раскрепощённо, без каких-либо намёков на неудобства, которые, возможно, он мог мне создать. Речь его была немного торопливой, но весьма уверенной, располагавшей к дальнейшему общению.

– Я очень сильно извиняюсь за свою неожиданную, как для вас, так и для меня, посадку, но двигаться ровно и без ДТП за последнее время разучился. Вот болтаюсь тут, ползаю, дер-

жась за стеночки, пыль местную обтираю. Меня, кстати, Сергей зовут, но эти ненормальные из отдела кадров на заводе по производству каких-то безделушек называют меня Аркадий, потому что фамилия Райкин, прииидууурки. Ничего, что я тут «зацепился якорем» и монологом занялся? – спросил мой новый знакомый, которому я одобрительно кивнул с намеком на то, что можно продолжать, только надо поднять пятую точку с моей ноги.

– Конечно, конечно… пардон.… После того, как влетел в сосновый бор и не объехал одну из сосен, приходится передвигаться без ветерка и даже без сквознячка, повредил себе ногу и голову встряхнул, но я не отчаиваюсь. Зато группу по инвалидности дали рабочую, а там и квоту. Государство – молодец, гарантирует нам содействие путем установления для всяких там организаций обязанности выделять таким гражданам, как я, места. Тружусь вот в отделе кадров пару месяцев, бумажки перебираю и в положенный день жду сообщуху из банка о пополнении баланса на карточке. А он мне ох уж как нужен. Есть у меня одна фаворитка. Светкой её зовут. Сидит за столом и глазки из-за компа мне строит, пока я своей начальнице правильную позицию по работе доказываю. Любит моя Светлана Леонидовна, когда мужик доминантный. Мы хоть и недавно знакомы, но моя карточка в сочетании с мужской харизмой делает своё дело. Догадался какое? До этого, правда, ещё не дошло, но всё очевидно, девка в меня влюблена и очень даже испытывает влечение. Не знаю, как она там без меня, бедняга. Стараюсь полностью удивить её как мужчина. Вот ты, например, что с получки своей девчуле купил бы кроме цветов и бухлишка?

Я уверенно дал понять, что именно это и купил бы.

– Вот, и я так поступил, но вдогонку козырь в секс-шопе приобрёл, а точнее, козыри: вакуумный стимулятор плюс вибратор с кучей скоростей и обалденной настройкой пульсации, бесконтактный стимулятор. Предположим, мы находимся в пути на работу или с работы, а виброяйца для моей зайки уже приобретены. Это ещё не всё! Слышал про пробку, декорированную цветным металлом? Тоже есть! А сколькими смазками для моей ненасытной я запасся. Короче, Елена Григорьевна не выдержала и в ревность впала.

– Светка же была?

– Светлана Леонидовна – моя девушка, а Елена Григорьевна – начальница. Ты слушай внимательно. Да так заревновала, что куда-то по трубке брякнула, и фараоны с санитарами прилетели, ну и… повязали… и вот я здесь.

Он развёл руками, предлагая оценить нелепость положения.

– Хорошо, что свои покупки далеко не убираю и с собой в рюкзаке ношу, а то приехал бы сюда без ничего, а тут – вон… санитарочки без любви и ласки. Заметил одну из них?

– Люба?

– Верно, Люба. Классная? Можешь не отвечать. Попробую на ней свою харизму отточить, тем более что она тоже уделяет мне знаки внимания.

В этом месте я мог бы с ним поспорить, но не стал. Зачем портить челу такое утро и к тому же его ускоренная манера повествования не дала мне возможности вставить свои три копейки.

– Раньше, до аварии, я был неуверенным в себе, робким, самооценка была не на высоте – не позволяла устанавливать отношения с цыпами. А недавно врачи смотрят на меня и говорят: Цирроз у тебя, голубчик, а поэтому еще и желтуха…

Он ненадолго замолчал и поправил свой рюкзак, который как оказалось располагался у него на спине.

– Живи, как хочешь, пока можешь. Вот тебе на!

Я посмотрел на него, не зная, что сказать и машинально прикоснулся к голове от чего ощутил боль. Аркадий, поправив круглые очки, которые делали его более ботаном чем ловеласом, продолжил.

– Но взял себя в руки и переломил в себе что-то. Ты, главное, не отчаивайся. Рано или поздно выпишут тебя отсюда, и загуляешь так, что все тёлочки ахнут.

Он говорил это без насмешки, словно мы давно знали друг друга. Он был совершенно уверен, что у меня всё получится и его слова придали мне уверенности и спокойствия.

– А если что, то набери меня, пока я живой, я тебе аксессуары свои подгоню.

– Спасибо, –сказал я, улыбнувшись, подозревая что его гаджетами не воспользуюсь ни я, ни он.

– Ладно, засиделся я тут с тобой, поковыляю на обед и с Любочкой позажигаю. Будь здоров!

Ушёл мой новый кореш, так же незаметно для меня, как и появился. Я не знал, что там на самом деле произошло у него на работе. Влюбилась ли в него Светлана Леонидовна и так ли уж ревновала начальница. Но в одном сомневаться не приходилось: он заметил меня, сел рядом и заговорил. Не прикрикнул, не прошёл мимо, не потребовал освободить дорогу. За всё время здесь это оказалось удивительно важным. Остальную часть дня я провёл в хорошем расположении духа с чувством, что наконец-то обзавёлся другом, который несмотря на место, которое нас объединило, не растерял доброту и дружелюбие. Вспоминал его виброяйца для зайки и улыбался, но потом вспоминал, как буднично он сказал: «Пока живой» – и улыбка пропадала. Он сумел продемонстрировать свою искренность в любви, увлечённость жизнью, которые пробудили во мне гордость и восхищение этим человеком. Имя Аркадий стало для меня ближе, чем его настоящее имя Сергей, потому что наш Райкин вызывает только тёплые эмоции и симпатию, переходящие в мою благодарность к нему за поддержку. Его вера в свою безупречность и силу духа, которые открывают ему любые двери, возможно, даже те, которые ведут из дурдома. Это временное отвлечение от постоянно задаваемых мною вопросов, типа: почему меня не забирает мать, где лечащий врач и сколько мне здесь ещё находиться. Но моя надежда на ближайшее счастливое будущее, привитая Аркашей, постепенно приблизила меня к отбою, и стрелки, указавшие на часах 22:00, впервые ввергли меня в блаженство сна с явным чувством безопасности и нежности.

Эпизод 7

С приходом утра, меня уже не надо будить и гнать справлять нужду, потому что ставшие родными стрелки часов, по-прежнему расположенные на стене, стабильно и ежедневно указывают на 06:00. Однако, с пробуждением, почему-то ощущается явное присутствие страха, который пока мне не понятен. Но, как минимум, чувство напуганности я испытываю. Через пару-тройку минут меня стали посещать навязчивые мысли вперемешку с подозрительностью. О матери, которая взяла и сдала меня хрен знает на сколько в это очаровательное заведение. Где каждый второй, того и гляди, ушатает проходящего мимо тем, что попадёт под руку. Где мать ходит всё это время? Может, вообще не считает нужным меня навестить. Хоть какую-нибудь передачу подогнала бы из магазина. Ведь питаться ежедневно одной и той же овсяной кашей и захлёбываться разбавленным чаем без сахара уж очень надоело! Был бы жив отец, который всё моё детство находился рядом и никогда не покидал меня надолго... Он бы разрулил ситуацию и не оставил меня один на один с пациентами, которым самое место быть здесь пожизненно. После его смерти, когда мне было около одиннадцати лет, мамка нашла где-то ухажёра, который с годами прижился и за всё время, пока я взрослел, мало чего сделал полезного для меня. Помню, сломал какое-то соседское дерево у забора и оформил из ветки удочку, длиною

метра полтора, с загибом в дугу, которая на следующие выходные превратилась в лук. Но после попадания стрелы в задницу козы, карьера Робина Гуда досрочно закончилась, так как тётя Надя была та ещё коза, которая не терпела неуважительного отношения к себе. Пусть даже случайное. Мои воспоминания, ненадолго вернувшие меня домой, резко оборвались, когда, неожиданно для себя, с соседней кровати я услышал голос, принадлежащий ребёнку:

– Привет.

Я повернул голову. Позади меня сидел пацанёнок. Он кутался в простыню и одновременно пытался натянуть на себя тёплое клетчатое одеяло. Стоило укрыть плечи, как освобождались колени. Мальчик сердито дёргал ткань обратно, и всё начиналось сначала. Из сгиба его локтя выглядывала голова бежевого игрушечного медведя. Я невольно огляделся, словно рядом должен был обнаружиться кто-то, способный объяснить его появление. Отделение было взрослым. Что здесь делал ребёнок?

– Как тебя зовут? — спросил он.

Вопрос прозвучал нетерпеливо. Видимо, пока я разглядывал его, он уже успел решить, что отвечать я не собираюсь.

– Кай. А тебя?

– Ирли. Называй меня Ирли.

– Хорошо.

– Мне нравится, когда меня называют Ирли. Не надо, как они.

Пацанёнок перестал поправлять одеяло и нахмурился.

– Как они?

– Эти санитары шутят надо мной. Смеются и говорят, что я – Лир. Как король Лир.

От волнения слова стали даваться ему труднее. Ирли сжал медведя под мышкой, подался вперёд, будто собирался отстоять своё имя ещё до того, как я успею его оспорить.

– Я не король. Я мальчик! Мне одиннадцать лет. Не хочу быть королём. Он взрослый!

– Ирли, – повторил я. – Запомнил.

Мальчик замолчал, но продолжал смотреть на меня с недоверием.

– Не будешь так?

– Не буду.

Он немного расслабил руки. Медведь съехал ему на колени. Теперь я увидел надорванное ухо игрушки. Ирли машинально поправил его, прижал к голове и осторожно провёл пальцем по краю, словно проверял, не стало ли повреждение больше. Я уже собирался задать очередной вопрос, но задержался. Для меня знакомство состояло из нескольких обычных фраз. Ему же сначала требовалось убедиться, что ещё один взрослый не начнёт смеяться.

– А почему ты здесь, а не в детском отделении? – спросил я тише.

Ирли опустил взгляд и стал перебирать лапы медведя. Только что он так решительно защищал своё имя, а теперь медленно сползал спиной по подушке, словно собирался снова спрятаться под одеяло. Я пожалел, что спросил так прямо.

– Там закрыто.

– Где?

– Где мы – дети. В другом доме.

Он ещё раз пригладил медвежье ухо.

– Нас должны были… – Ирли запнулся и нахмурился. – Пе-перевезти. Потом.

Я подождал, но он больше ничего не добавил.

– А когда?

– Когда скажут!

Ответ прозвучал быстро, почти без выражения и слегка на повышенных тонах. Наверное, именно так отвечали ему самому.

Я посмотрел на соседние кровати. Взрослые мужчины, чужие голоса, тяжёлый воздух палаты. Здесь и мне было не по себе. Ирли сидел посреди всего этого, поджав под одеялом ноги и прижимая к себе потрёпанную игрушку.

– Люба сказала, здесь пока, – продолжил он. – Рядом с ней.

– С ней давно знаком?

– Она приходит, – кивнул в ответ Ирли.

В этих словах было столько уверенности, что я не стал сразу задавать следующий вопрос.

– А ты зачем спрашиваешь? – поинтересовался пацан, подтянув медведя к животу и посмотрев на меня:

– Просто хотел понять.

– Меня потом переведут, – сказал Ирли, ещё немного изучая моё лицо.

– Понятно, – сказал я, хотя понятнее почти ничего не стало.

Мальчик внезапно выпрямился.

— У тебя есть мммишка или зайка?

Я не сразу поспел за переменой темы.

– Нет.

– А машинка?

– Тоже нет.

Ирли озадаченно оглядел мою кровать.

— А у меня есть мишка, машинка, платочек есть… Карточки, телефончик детский, с буквами, смешной. Книжечка.

С каждым новым предметом он оживлялся всё больше.

– Есть у тебя? Есть? Ну хоть салфеточки?

– Салфеточек тоже пока нет.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто отсутствие всего перечисленного было серьёзным упущением, а я почему-то до сих пор не попытался его исправить.

– Совсем ничего?!

– Получается, что так. Но когда появятся, я обязательно с тобой поиграю и подарю тебе, – с сожалением развёл я руками.

– Ооо, хорошо, – полностью успокоился мальчишка. – Поиграешь? Да? Да? Подаришь? Ладно...

После нашего небольшого разговора, он отвлёкся на свою подушку, точнее на сокровища, которые были ему очень дороги и спрятаны под нею за семью матрасами, в виде различных вещей и детских игрушек.

Ирли доставал их по одному и раскладывал перед собой. Сначала машинку, потом карточки, книжечку, сложенный платочек. Игрушечный телефон появился последним. Каждой вещи предназначалось своё место. Когда карточка легла слишком близко к машинке, Ирли тут же поправил её.

– У тебя здесь целый склад, – удивился я невольно улыбнувшись.

– Что? – спросил пацан, настороженно подняв глаза.

– Много всего, говорю.

Мальчик ещё пару секунд смотрел мне в лицо, проверяя, не скрывается ли в моих словах насмешка, затем вернулся к своим вещам. Телефон он взял обеими руками и нажал кнопку. Раздался короткий электронный звук. Ирли посмотрел на меня, ожидая реакции.

– Работает, – отметил я.

– Конечно работает, – восторгнулся он, нажал ещё раз и придвинул телефон ближе, чтобы мне было видно.

Я наклонился. Ирли показал кнопки с буквами, потом переложил телефон на прежнее место и занялся машинкой. Её он протянул не сразу. Сначала повертел в руках, провёл большим пальцем по крыше и только потом подал мне. Я потянулся за ней, но он вдруг отвёл руку.

– Только здесь! На кровати.

– Хорошо, – улыбнулся я в ответ.

– На пол не надо!

Он серьёзно смотрел на меня, ожидая ответа и на это условие.

– На пол не буду, – вновь с улыбкой согласился я.

Когда машинка легла мне в ладонь, Ирли ещё пару секунд придерживал её за задние колёса, прежде чем окончательно отпустить. Я осторожно прокатил её по одеялу и переднее колесо угодило в складку, от чего машинка накренилась.

– Тут дорога плохая, – подметил я.

Ирли быстро посмотрел мне в лицо, затем потянул одеяло на себя и разгладил ладонью складку. Вот бы все дорожные службы так оперативно работали.

– Вот здесь езжай.

Я провёз машинку по расчищенному месту, а паренёк, следя за ней, чуть подавшись вперёд, уже не прятал руки под одеяло.

– Так? – спросил я, зная заранее ответ.

– Угу. Только теперь поворачивай. Там овраг.

В его детском голосе появились взрослые деловые нотки. Он показывал, где можно ехать, где нужно остановиться, и сердился, когда я выбирал слишком крутой поворот. Где ты был, когда я принял столб? Мне бы твою навигацию несколько дней назад.

– Ты неправильно держишь.

– Я так и знал. Покажешь?

Ирли забрал машинку, как истинный сотрудник ДПС, поставил перед собой и придержал двумя пальцами за крышу. Здесь уже в теме и чей-то эвакуатор.

– Вот. Ты сильно давишь.

– Понял, – ответил я Ирли, вспоминая педаль газа своей приоры.

Он прокатил её до края подушки, развернул и снова подвинул ко мне. Вот истинный инструктор по вождению. Где он был до аварии? Я сделал небольшой круг и вернул игрушку. В моём случае – тачку. Ирли машинально провернул колесо, затем положил машинку между нами. Не убрал к себе, хотя место возле его подушки было свободно. Я заметил это и почему-то обрадовался.

– Когда у меня появятся игрушки, обязательно с тобой поиграю, — сказал я. — И машинку тебе подарю.

– Мне?

– Тебе, – гордо ответил я, осознавая, что пообещал подогнать кобылу. Одну, не более.

– А какую подаришь?

Я уже открыл рот, собираясь ответить что-нибудь про большую и красивую, но замолчал. Он ждал совершенно конкретного ответа. Смотрел мне в лицо, даже немного приподняв подбородок, чтобы ничего не пропустить.

– Ещё не знаю, – признался я. – Какую ты хочешь?

Ирли задумался. Провёл машинкой по короткому участку одеяла, вернул её обратно.

– Чтобы двери открывались.

– Хорошо. Постараюсь найти с дверями.

– Только чтобы не отваливались. А то бывают такие.

– Теперь бывают. Будем искать крепкую, – ответил я, понимая, что моя битая приора за подарок не канает.

Он кивнул, но почти сразу спросил:

– А когда?

Вот об этом я не подумал. Обещание прозвучало так легко, словно я мог сейчас выйти из палаты, дойти до ближайшего магаза и через полчаса вернуться. Я посмотрел на дверь, сам ещё толком не понимая, когда смогу отсюда выйти.

– Не знаю пока, Ирли. Не хочу говорить неправду.

Он опустил глаза на машинку. Мне захотелось тут же назвать какой-нибудь день, только бы вернуть прежнее выражение его детского лица. Удержаться оказалось труднее, чем я ожидал.

– А ты не забудешь?

– Не забуду.

Ирли внимательно посмотрел на меня и слегка придвинул машинку к моей руке, которую я взял осторожно, опасаясь её повредить. Теперь мне уже не казалось, что я просто поддерживаю разговор с ребёнком. Я успел дать ему обещание, и он принял его всерьёз. Нужно было помнить об этом и потом, когда наш разговор закончится. Пока он был занят, я обратил внимание на его миниатюрность в росте и на узкие плечи, указывающие на его беззащитность и хрупкость. Видно невооружённым взглядом, что Ирли из-за беспомощности нуждается в постоянном уходе и внимании. Его легко ранить и обещание что-то ему подарить, в любом случае, надо исполнять. Он похож на маленького мышонка, который, копошась у себя в сокровенном, реагирует на всякие посторонние звуки и мимикой выражает опасение и беспокойство. Его недоверчивый взгляд способен любого просверлить насквозь и записать в недруги без права на обжалование.

Ирли приподнял подушку, что-то поправил под ней, заглянул с другой стороны. Я невольно следил за его руками: маленькими, с узкими запястьями, торчащими из рукавов. Одной он придерживал медведя, другой осторожно подталкивал под подушку край платочка.

– Не помнётся? – спросил я.

– Что? – переспросил малыш сразу оглянувшись.

– Всё, что ты туда складываешь.

Ирли просунул ладонь под подушку и проверил ещё раз.

– Нет, я аккуратно, – сказал он серьёзно, почти с укором.

Я кивнул: понял, мол, напрасно беспокоюсь.

Медведя он под подушку не убрал. Усадил рядом, поправил надорванное ухо, но оно снова загнулось. Ирли попробовал ещё раз и, когда ничего не получилось, оставил как есть. Некоторое время мы молчали и мне казалось, что разговор закончился. Мальчик уже не поглядывал на меня с прежней настороженностью, но и продолжать знакомство, видимо, не собирался. Я хотел отодвинуться, дать ему спокойно разложить своё нехитрое имущество, когда он вдруг поднял голову.

– В субботу.

– Что в субботу?

Вместо ответа Ирли положил правую руку поверх одеяла и растопырил пальцы. Потом чуть согнул их, чтобы обозначились костяшки, и стал касаться их указательным пальцем левой руки. Губы его едва заметно шевелились. Я уже открыл рот, чтобы переспросить, но он нахмурился и начал сначала, от чего мне пришлось подождать. Палец двигался по одному ему понятному порядку: задерживался на костяшке, скользил в промежуток, возвращался. Ирли смотрел на свою руку так внимательно, будто там действительно были написаны числа, которых я не видел. Исчезли торопливые вопросы, беспокойные взгляды по сторонам. Даже медведь, завалившийся ему на бок, пока оставался без внимания. Наконец палец остановился.

– Завтра, – сказал Ирли.

Он ещё раз дотронулся до той же костяшки и посмотрел на меня.

– Завтра мама придёт. Да?

– Ты её ждёшь в субботу?

– В субботу, – подтвердил он и протянул руку, показывая место, на котором закончил считать.

Я посмотрел на его костяшки и почему-то кивнул, словно это что-нибудь мне объясняло.

– Ты так дни считаешь?

– Дни и числа.

– Любые? – заинтересовался я, от чего Ирли чуть приподнял подбородок.

– Скажи.

Я задумался. Назвать дату оказалось неожиданно трудно – в голову лезли только собственный день рождения да Новый год с восьмым марта.

– Ну… первое октября.

– Какого года?

– 1989, – произнёс я дату, уж очень отдалённую от сегодняшнего дня.

Он снова опустил глаза. Теперь я уже не мешал. Следил за его пальцем и пытался уловить хоть какую-нибудь закономерность, но быстро сбился. Ирли же закончил подсчёт, назвал день недели и посмотрел на меня в ожидании.

– Воскресенье.

Ирли оказался прав. Он точно вычислил этот день. Хоть память меня в последнее время и подводит, но день рождения своего младшего брата я не забуду никогда.

– Быстро ты, – похвалил я паренька, от чего уголки его рта дрогнули.

– Ещё скажи.

Я назвал 02.04.1959. Потом 20.04.1988. Он считал с той же сосредоточенностью, иногда начиная заново, если в палате кто-нибудь громко кашлял или скрипела кровать. Я терпеливо ждал и мне было очень любопытно, но ещё больше хотелось снова увидеть это выражение на его лице – спокойное, уверенное. Сейчас ему не требовалась моя помощь. Это я сидел рядом и не понимал, как у него получается.

– Люба тоже спрашивает, – сообщил он после очередного ответа.

– Даты? – заинтересовался я ещё больше, на что Ирли утвердительно кивнул.

– И про тебя спрашивала, – произнёс он это негромко.

– Да ладно! Что говорила? – воспрянул я от того, что Люба проявила ко мне интерес.

Он опустил голову и поправил медведя. На этот раз не стал бороться с надорванным ухом, просто пригладил его ладонью. А мой вопрос остался без ответа. Я уже собирался завалить Ирли кучей других вопросов про санитарочку Любу, когда он вернулся пальцем к прежней костяшке.

– А завтра мама.

Всё, что мы только что считали, сразу стало неважным.

– Придёт? – спросил он настойчиво. – Да?

– Конечно, придёт, – поддержал я Ирли, не переставая в это время думать о Любе.

Ирли посмотрел на меня с таким облегчением, что мне стало не по себе. Я ведь ничего не знал. Ни о его матери, ни о том, как часто она навещает сына, ни о том, обещала ли прийти именно завтра. Просто сказал то, что обычно говорят ребёнку, когда хотят его успокоить.

А он поверил.

– Завтра, – повторил парнишка уже тише.

Я не решился поправить себя. Сказать теперь «наверное» означало бы отнять у него очень многое.

До этой минуты мне казалось, что он легко отвлекается: игрушки, вопросы, какие-то салфеточки, числа. Только теперь стало понятно, куда он всё время возвращался. Он мог считать август, чей-то день рождения, любую предложенную мной дату, но ждал одну лишь субботу, а вместе с ней и маму. Я вспомнил, как пообещал ему поиграть и что-нибудь подарить. Тогда это были простые слова, почти способ поддержать разговор. Теперь я понимал: он их запомнил. И, скорее всего, уже отвёл им место в своём маленьком упорядоченном мире – рядом с игрушками под подушкой и днём, когда должна прийти мама.

Ирли вдруг потянул медведя к себе. Сначала я решил, что тот снова сползает, но мальчик прижал его к животу обеими руками и замер.

– Что такое? – заволновался я, не получив ответ.

Взгляд его остановился где-то за моим плечом. Я обернулся: кровати, проход между ними, стена. Ничего, что объясняло бы такую перемену.

– Ирли?

– Боюсь, – чуть слышно прошептал он.

– Кого? – спросил я, повернувшись к нему.

Мальчик сидел, чуть втянув голову в плечи. Ещё минуту назад его руки спокойно лежали на одеяле, а теперь пальцы так глубоко вдавились в игрушку, что потёртая ткань собралась между ними складками.

– Здесь нет никакой опасности, – сказал я. – Посмотри вокруг.

Сказал и только потом понял, что он как раз смотрит. Его глаза медленно прошли по потолку в сторону окна. Голова при этом почти не двигалась. Я тоже поднял взгляд. На потолке виднелись неровности старой краски, а возле окна сгущалась тень. Всё выглядело обыкновенно. Я постарался рассмотреть угол внимательнее, но так ничего и не заметил.

– Она приходит, – сказал Ирли.

– Кто? Люба?

Он сглотнул.

– Пугает меня.

– Тебе что-нибудь приснилось? – искренне испугался я за Ирли, придвинувшись к нему чуть ближе.

Он быстро покачал головой.

– Я маленький.

– Знаю.

– Маленький, – повторил он настойчивее и посмотрел мне прямо в лицо. – Ребёнок. Почему она этого не видит?

Я обомлел и не сразу нашёл, что ответить. В его голосе не было капризного возмущения. Он словно объяснял мне очевидную вещь, которую кто-то никак не хотел учитывать. Он ребёнок, а значит, с ним нельзя так поступать. Видимо это не Люба. Она души не чает в этом мальчике.

– Кто она, Ирли? Я не понимаю.

Он вновь посмотрел в сторону окна. Я ждал. Не стал повторять вопрос, хотя пауза затянулась. Из коридора донёсся скрип подошв, где-то негромко хлопнула дверь. Ирли вздрогнул и подтянул к себе ноги под одеялом.

– Б-бабайка.

Слово было детское, знакомое. От него полагалось улыбнуться, сказать что-нибудь про страшные сны, про тень на стене. Но, глядя на мальчика, я не смог улыбнуться.

– Она тебе снится? – спросил я осторожнее.

Он прижал медведя ещё сильнее.

– Животик болит… и тошнит часто.

– Сейчас болит?

Ирли не ответил на вопрос.

– Скажи, чтобы она так не делала.

Я посмотрел на его руки, прижатые к животу. Он и вправду мог плохо себя чувствовать. Нужно было позвать кого-нибудь, а я сидел и расспрашивал его про какую-то там бабайку.

– Давай я позову…

– Фею! – перебил Ирли. – Позови фею!

– Кого позвать?

Он коротко втянул воздух. Губы задрожали, и нужное слово никак не получалось.

– Л… Л…

– Любу?

– Любу. Позови, – вымолвил Ирли и часто закивал.

– Хорошо, сейчас.

Я едва успел договорить, как мальчик схватил край одеяла и резко натянул его на голову, увлекая за собой медведя. Под тканью торопливо задвигались локти, потом всё стихло, а на месте Ирли остался небольшой бугорок.

– Позову её, — повторил я.

Ответа не было.

Протянул руку, собираясь коснуться его плеча, но остановился. Не хотелось, чтобы он ещё и от меня шарахнулся. Положил ладонь на матрас, рядом.

– Ирли, ты меня слышишь?

Одеяло чуть шевельнулось. Ещё недавно я считал его почти беззаботным. Игрушки, похвала санитарки, радость от удачно посчитанной даты — мне казалось, за всем этим ему проще переносить больницу. Теперь передо мной лежал ребёнок, который спрятался под тонким одеялом и не отзывался. Я не знал, чего он испугался. Но страх был настоящим. Это было видно по тому, как он держал медведя, как следил за потолком, как торопился укрыть голову. И мне стало стыдно за своё уверенное: «Здесь нет никакой опасности». Я ничего не проверил. Даже не спросил толком, что с ним происходит. Успокаивал, потому что сам не понимал, что ещё делать. Одеяло приподнималось от его дыхания. Я подумал, не жарко ли ему там, хватает ли воздуха, но вытаскивать его наружу не решился. Пусть пока побудет так, с медведем, которого успел забрать с собой.

– Я за Любой, – сказал я негромко и поднялся.

– Быстро все по койкам! – голос Ирины ударил так резко, что я замер.

Она стояла у входа в палату и смотрела в нашу сторону.

– Кому сказано – отбой! Кого увижу бродящим по отделению, того сразу примотаю к кровати без суда и следствия. Ясно вам?!

Под одеялом снова дёрнулись плечи.

– Ему плохо, – сказал я. – Он Любу просит.

– Ложись! Разберёмся.

– У него живот…

– Я сказала: отбой!

Несколько человек повернули головы, а Ирина продолжала смотреть на меня, ожидая, когда я наконец подчинюсь. Немного помедлив, я сел на свою кровать. Спорить через всю палату, заставляя Ирли слушать ещё один крик, не хотелось, но и оставлять всё так было неправильно. Ирина постояла в дверях и пошла дальше. Её шаги ещё некоторое время были слышны в коридоре. Я наклонился к соседней кровати.

– Ирли, я здесь.

Он не ответил. Край одеяла был плотно подвёрнут возле подушки. Я смотрел на него и ждал: вдруг покажется рука, надорванное медвежье ухо или хотя бы один глаз. Ничего. Я лёг, повернувшись к нему лицом, решив дождаться Любы – она должна была ещё пройти по отделению – и обязательно сказать ей про живот, про тошноту, про этот испуг.

Сон уже тянул меня вниз, мысли путались. Чтобы не забыть, я мысленно повторял: позвать Любу. Резко накрывшись одеялом с головой, Ирли тем самым спрятал себя и своего медведя от какой-то опасности, то ли мнимой, то ли настоящей – мне не известно. Последующие мои попытки окликнуть малыша ни к чему не привели. Он просто ушёл и спрятался в том месте, куда тропинка не приведёт ни одного взрослого. Там у каждого ребёнка есть свой защитник из мира игрушек, который не позволит обидеть своего друга, до тех пор, пока малыш в нем нуждается. Это вселенная, построенная в атмосфере доброжелательности и любви родителей, готовых оказать помощь и поддержку в любом деле. А ребенок, в свою очередь, посвятит радость своего достижения именно им, маме и папе. Ирли спрятался там, где статус «почемучки» только умиляет и формирует огромный спектр чувств и эмоций. И место это называется детством.

Эпизод 8

В этот раз проснуться, как положено, по подъёму мне не дали. Сначала в сон пробился грохот, как будто в дальнем конце отделения уронили что-то тяжёлое, а потом решили не поднимать, а протащить по полу. Следом раздался мужской крик. Открыв глаза, я некоторое время лежал, пытаясь сообразить, где нахожусь и почему опять кому-то не спится. Надо мной темнел знакомый потолок. У входной двери переговаривались сразу несколько человек, и среди голосов отчётливо выделялся один – низкий, хриплый и настолько злой, что спросонья захотелось натянуть одеяло на голову и превратиться в кокон. Вместо этого я приподнялся на локте. Звук гулял под четырёхметровым потолком, отражался от стен и возвращался в палату, словно ругались не у входа, а возле моей кровати. В старом здании даже обычный разговор умел разрастись до ссоры. Сейчас же казалось, что туда разом согнали весь ночной персонал и предложили каждому высказаться. Я посмотрел на часы с корабликом.

Время 23:59.

Вот спасибо. Даже до полуночи поспать не дали. Секундная стрелка стояла неподвижно. Я подождал, щурясь в лунном свете, потом моргнул и посмотрел ещё раз. Ничего. Скорее всего, батарейка села. Здесь, судя по всему, вещи меняли только после того, как они окончательно переставали выполнять свои обязанности. Некоторые – вместе с сотрудниками.

У двери снова загрохотало, и я переключил внимание на место кипиша. Под тусклыми потолочными лампами два полицейских пытались удержать под руки мужчину лет шестидесяти. Оба молодые, на вид не старше двадцати пяти, оба уже изрядно вспотевшие. Мужик оказался выше каждого почти на голову и, несмотря на возраст, явно не собирался облегчать им работу. Рост под два метра, широкие плечи, ни намёка на пивной живот. Седая борода топорщилась на лице, а на мокрой от пота голове творился полный нечёсаный ужас. Грязные волосы прилипли ко лбу. Под одним глазом темнел отёк, а по щеке размазалась кровь. Один из полицейских перехватил его руку повыше, но мужчина дёрнул плечом, и парень едва удержался на ногах.

– Откуда ты такой на нашу голову свалился? – спросила медсестра Ирина.

Спросила без особого любопытства. Ответ не нужен, надо только найти, на кого накричать. Она коротко посмотрела на санитаров и те подошли с двух сторон. Я не разглядел, кто именно втащил новенькому под ребро, но отчётливо услышал, как оборвался его вдох.

– За руки, за ноги тащите его! В первый ряд, на койку!

Первый ряд – это, между прочим, ко мне соседа волокут. Я невольно убрал с края кровати свисающую руку.

– Отпустите! Не трогайте меня, пи….ы! – взревел мужчина, снова набирая воздух. – Мне надо обратно в храм! Поставьте на ноги, суки! Только дайте до вас дотянуться – и вам звезда на всё тело!

На угрозу никто не обиделся. Видимо, не первая за смену. Мужика потащили вдоль ряда, а он упирался пятками в пол, выворачивался, пытался выдернуть локоть. Однажды ему почти удалось встать, и вся сцепившаяся компания качнулась в мою сторону. Я отодвинулся к стене раньше, чем успел об этом подумать. Свободная кровать рядом скрипнула, приняв нового жильца. Дальше всё происходило быстро и с неприятной деловитостью. Один санитар навалился ему на плечи, другой занялся ногами. Полицейские продолжали держать руки, пока вокруг запястий затягивали тканевые вязки.

– Из храма поступил вызов, – начал рассказывать один из парней в прапорских погонах, когда смог наконец выпрямиться. – Наша группа прибыла на место. Заходим внутрь, а там этот буянит. Лавками бросается, иконы швыряет.

Прапорщик перевёл дыхание и поправил форменную одежду.

– Говорит, что знает, как на самом деле выглядят святые. Совсем иначе, говорит. Видимо, дурак. Поэтому к вам и привезли.

– Да, дурак… – негромко произнесла Ирина.

При этом смотрела она не на полицейского, а на привязанного мужчину. Долго, пристально. Новенький тоже перестал ругаться и несколько секунд глядел на неё снизу вверх. Видимо он просто выбирает следующую угрозу.

– Как его называть? – спросила Ирина. – Я имею в виду фамилию.

– Казаков. Но, пока сюда ехали, требовал называть Атаманом.

Мужчина с силой дёрнул руками. Кровать ответила коротким металлическим стуком.

– Ну, вроде всё, мы поедем, – продолжил прапорщик, явно не желая задерживаться. – Дальше сами. И иконы уберите, а то он на них кидается как умалишённый… Парень запнулся, оглядел отделение и неловко добавил:

– Ну да…, конечно. Всего хорошего.

– Прощайте, – едва слышно ответила Ирина.

Полицейские ушли. Их шаги ещё некоторое время раздавались в коридоре, потом хлопнула дверь, и стало заметно тише. Атаман лежал, тяжело дыша через открытый рот. Под его весом продавилась середина матраса, но даже связанный, он занимал кровать так, будто та была ему мала. На шее вздулась толстая жила. Он пробовал пошевелить пальцами и поочерёдно напрягал руки, проверяя, где держит слабее.

К нему подошла Люба.

– Я дам ему воды, – сказала она.

– Нет! – отрезала Ирина. – Ни в коем случае! Ещё стакан в тебя метнёт. Пусть валяется на привязи, как дворняга!

Я посмотрел на руки Атамана. Со стаканом ему сейчас было бы явно непросто. Впрочем, замечание решил оставить при себе.

– Но, Ирина, так же нельзя. Он заболел, ему нужна наша помощь. У него кровь по всему лицу размазана. Надо хотя бы умыть. Посмотри на отёк – похоже, он где-то сильно ударился.

– Я сказала: не прикасайся к нему! Утром видно будет, что с ним делать. Пусть спит.

На этом разговор закончился. По крайней мере, Ирина считала именно так. Она ушла, и Люба некоторое время стояла возле кровати, глядя вслед. Потом наклонилась к Атаману, что-то тихо сказала и тоже скрылась в проходе. Вернулась она чуть позже, с водой и чистой тканью. Я наблюдал, как она осторожно стирает кровь с его щеки. Мужик сначала отворачивался и зло сопел, но Люба не торопилась, а ждала, пока он перестанет дёргаться, и продолжала. Когда ткань коснулась разбитого места, он поморщился, однако ругаться не стал. Постепенно агрессия сошла на минималочку. Что именно довело его до такого состояния, я не знал. Можно было, конечно, поверить молодому прапорщику и на этом закончить размышления.

Дурак. Буянил. Привезли куда положено и сделали укол. Я услышал название — галоперидол — и мысленно пожелал нам обоим спокойной ночи.

Когда возле соседней кровати никого не осталось, я попробовал заговорить.

– Ну что, Атаман, добрались? – начал я разговор, на который он никак не отреагировал и даже не повернул головы. Может не услышал. – Ты как?

– Я докажу, что могу держать слово, – произнёс он.

Ответ прозвучал достаточно внятно, но ко мне какое-либо отношение, кажется, не имел.

Я замолчал. Атаман смотрел прямо перед собой, чуть выше спинки кровати. Выждал несколько секунд, словно слушая возражение, и недовольно шевельнул губами.

– И что?.. Сделаю!

В проходе никого не было. Я осторожно приподнялся, посмотрел туда, куда был направлен его взгляд и только соседние койки, тёмные силуэты спящих и полоска света на полу.

– Мы договорились? – спросил Атаман и повисла пауза. – Чувствую, что договорились. Пусть она решает мои проблемы, а то ливер не к чёрту. Я жить хочу!

Последнюю фразу он произнёс отчётливо и зло. Разговаривает человек. Бывает. Место здесь для подобных бесед самое подходящее, и отсутствие собеседника никого не должно смущать.

– Будет ей, что она хочет, – добавил он уже тише.

Почему-то именно эти слова мне не понравились. В них не было ни бредового торжества, ни той бессвязности, которую я ожидал услышать. Так мог говорить должник, уставший объяснять, что бабло обязательно будет, только не сегодня.

Атаман резко дёрнул правую руку, потом левую, но вязки держали крепко, и он попробовал освободить ногу и тут же ругнулся. Ткань затянулась сильнее.

– Эй, дефектная, ты где? Помоги отвязаться.

Я лежал неподвижно и продолжал дальше наблюдать за странным соседом.

– Где опять зашкерилась? Слышишь, ущербная, помоги! – выкрикнул Атаман, озираясь по сторонам.

Никто не ответил.

Последующие несколько попыток вперемешку с руганью и тяжёлым выдохом ни к чему не привели. Голос стал невнятным, а ночная усталость и укол сделали то, с чем до этого не справлялись четверо здоровых мужиков. Атаман затих, и я закрыл глаза.

Лёжа на кровати с закрытыми глазами, я ощущал движение тёмной ночи всем своим телом, а желание окунуться в объятия снов о доме только подталкивало меня к засыпанию, которое, как мне кажется, затянулось. Провалявшись какое-то время без признаков на дрёму, приоткрыл глаза. Странно, но стрелки не поменяли своё расположение и по-прежнему стояли на отметке 23:59. Точно, батарейки сели! Намёка на рассвет, в окне за моей головой, так же не наблюдаю, но прекрасно вижу своего нового соседа. Слышу и чувствую каждый его всхлип и всхрап, указывающие на то, что, в отличие от меня, отдохнуть у него получилось. Не скажу, что сон крепкий и с красочными сновидениями, скорее, наоборот, он спит поверхностно. Судя по внешнему беспокойству головы и мимике, могу сделать вывод, что кошмары его мучают точно. В этот момент Атаман резко открыл глаза. Они по-прежнему были погружены в транс и больше походили на мутную воду, в которой по центру располагались маленькие, ни на что не реагирующие зрачки. Медленно, и довольно осознанно, его волосатая голова стала поворачиваться в ту сторону, где моя душа уже мечется в поисках укромного и безопасного места в районе пяток. Завершив поворот на девяносто градусов, голова замерла на подушке, и холодный пот, проявившийся в виде обильных капель на его лбу, стал стекать по лицу маленькими ручейками, попадая, в том числе, и в глаз, который ну никак не реагировал на внешний раздражитель.

– Здорова, братан. Как сам? Видел её? – без каких-либо эмоций выдавил из себя мужик с бородой.

Мгновенно, его голова вернулась в прежнее положение на подушке, и всё тело, даже несмотря на то, что оно привязано, стало хаотично лихорадить и трясти. Да так, что вязки начали утягивать его конечности до появления посинений и вздутия вен. Так называемый хомут, крепко фиксирующий его плечи к кровати, не выдержал прилагаемую силу великана и лопнул, разлетевшись в лоскуты направо и налево. Теперь ничто не мешало ему молниеносно принять сидячее положение и, в состоянии бешеной лихорадочной тряски, продолжить тянуть свои конечности с целью освободиться от навязчивых привязей, которые хоть и старые, пропитанные мочой и кровью, но своё дело знают и ещё не такое видели. Из уст стал доноситься громкий и противно-истеричный хриплый крик, сочетаясь с грохотом бьющихся об пол ножек кровати. Создавалось ощущение непереносимого страха. Его фонтанирующая озлобленность воспринимается мною, как своя собственная. Этакое чувство полного погружения в атмосферу происходящего. Его заветное желание и дикое нетерпение сорвать фиксацию привели к тому, что натянутая ими кожа на конечностях стала сильно растягиваться. Уже заметны надрывы и лопины. Разгневанный и взбешённый Атаман, упавший спиною на своё адское ложе, уже не чувствовал и не замечал, как кожа на руках окончательно перетёрлась. Тёмно-алая кровь постепенно пропитывала тканевые привязи, надёжно сдерживающие лихорадочно дёргающееся тело, в котором было столько ярости, что она заставляла лопатки уходить максимально назад, а поясницу – сгибаться дугой, приподнимая таз на десятки сантиметров от кровати. Озлобленное лицо с ярым оскалом и по-прежнему раскрытыми на всю глазами, которые приобрели чёрный окрас и кровоточили от приобретённого дикого внутреннего давления, повернулось ко мне. В одно мгновение его гнев и неудержимая злость ушли и мигом сменились на спокойное лицезрение потолочной тьмы, из которой, не торопясь, тянулась костлявая женская кисть и, описывая круговые движения, замерла в воздухе над головою Атамана. Обладательницу руки в кромешной темноте мне не видно, зато чувствуется ледяной могильный холод и пар изо рта. Я заметил движение, начинающееся от локтя и направляющееся к кривым пальцам земляного цвета. Размеренно, спиралью обвивая кисть, к лицу мужчины ползла мерзкая, но с ясным сознанием в глазах, змея, которая по мере продвижения нежно прикасалась своим раздвоенным розовым язычком к мерзкой гниющей коже. Потратив на свой неторопливый путь пару минут, рептилия проползла между растопыренными пальцами своей хозяйки, зацепилась за них хвостом и, плавно опустившись, повисла, покачиваясь над беспокойным взглядом Атамана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.